

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Сборник продолжает серию коллективных работ по изучению истории социалистических учений. В нем анализируются актуальные теоретические аспекты изучения социалистической мысли и вклад советских исследователей в разработку этой тематики, столь важной в условиях современной идеологической борьбы. Среди материалов сборника также статьи о мыслителях, которые почти не изучались или изучались мало (Ч. Холл, Р. Саути и др.).

Редакционная коллегия:

Г. А. БАГАТУРИЯ, Л. И. ГОЛЬМАН,
А. А. ИСКЕНДЕРОВ (ответственный редактор),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, Г. С. КУЧЕРЕНКО,
В. Л. МАЛЬКОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. Э. Штекли	«Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма	3
И. Н. Шиканян	Корреспондентская работа Энгельса в «Нор-зерн стар»	19
К. М. Андерсон	Оуэнисты и радикалы	39
В. В. Согрин	Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США	62
Г. С. Кучеренко	Об изданиях трудов Сен-Симона	81
М. Н. Соколова	Рейбо — историк утопического социализма	97
И. Н. Осинковский	Томас Карлейль и утопический социализм (к постановке проблемы)	118
Э. И. Валлич	Проблема нищеты в английской публицистике конца XVIII в.	142
Т. А. Павлова	Джерард Уинстэнли о путях перехода к новому строю	167
Л. С. Чиколини	Кампанелла в публикациях XVII в.	187
О. Ф. Кудрявцев	Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV—XVII веков и утопии	220
Д. В. Панченко	Кампанелла и «Утопия» Томаса Мора	241
С. А. Гаврильченко	Новая литература о Томасе Мюнцере в ГДР (1970—1980 гг.)	252

ПУБЛИКАЦИИ

Теодор Дезами и проспект журнала «Коммюнотер». Пер. с фр. и вступ. ст. С. М. Назаровой.	265
Письмо Томаса Мора Джону Колету. Пер. с латин. и примеч. В. Ф. Балакина; вступ. ст. А. Э. Штекли	277

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Проблема нищеты в английской публицистике конца XVIII века

Пожалуй, ни одна проблема не привлекала большего внимания общественной мысли Англии на рубеже XVIII—XIX вв., чем рост нищеты, столь стремительный, что он воспринимался современниками как национальное бедствие. Одним из проявлений так называемого процесса первоначального накопления капитала было создание огромного рынка рабочей силы, весьма превышавшего спрос на нее. В первую очередь это сказалось на пауперизации экспроприированного крестьянства и разорявшегося мелко-ремесленничества. В течение 100 лет Англия, будучи самой богатой и передовой в промышленном отношении страной, оказывалась неспособной обеспечить прожиточный минимум значительному числу своих граждан. Положение трудящихся неуклонно продолжало ухудшаться на протяжении всей эпохи промышленного переворота, т. е. вплоть до середины XIX в.¹

Проблема нищеты долгое время была предметом раздумий людей самых разных убеждений. В ней коренятся истоки ранних социалистических учений. Она дала начало и некоторым реакционным теориям, оказавшим известное влияние на общественное сознание. В советской исторической литературе основное внимание уделяется взглядам представителей демократического направления. В работах В. П. Волгина прослеживается история социалистических идей в Англии XVIII в.² Е. Б. Черняк провел фундаментальное исследование идеологии демократических движений конца XVIII — начала XIX в.³ Что касается теорий реакционных и консервативных, то они, как правило, анализируются в трудах, посвященных проблемам социальной истории, и рассматриваются скорее как политические концепции, а не течения общественной мысли. Вместе с тем нельзя понять роль передовых английских

мыслителей (включая и предшественников научного социализма) вне широкого фона борьбы идей и мнений. Социалистическая и радикальная публицистика находятся на одном полюсе общественного сознания. На другом — реакционное направление. В ходе их противоборства рождаются новые доводы и теории. «Права человека» Томаса Пейна были прямым откликом на «Размышления о Французской революции» Эдмунда Берка⁴. Несогласие с «Политической справедливостью» Уильяма Годвина подвигло Томаса Роберта Мальтуса, по его собственному признанию, на создание теории народонаселения⁵. Стремление опровергнуть Мальтуса объясняет появление книг Чарльза Холла и Уильяма Хэзлитта. Эти примеры, разумеется, не дают исчерпывающего представления о всей сложности взаимодействия прогрессивной и реакционной общественной мысли. Случаи прямой полемики не редки. Порой они интересны и ценны сами по себе. Но главное: они позволяют почувствовать и понять атмосферу непрерывной борьбы идей. Исследование крайне реакционных концепций не только дополняет общую картину, но, что не менее важно, помогает обнаружить подчас неразличимые истоки зарождения многих прогрессивных учений.

Руководствуясь этими соображениями, мы рассмотрим один из проектов решения проблемы нищеты, появившийся в конце XVIII в., — сочинение, которое выразило самую реакционную точку зрения того времени. Имеется в виду опубликованное в 1786 г. «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» Джозефа Таунсенда⁶.

Прежде чем перейти к анализу самой книги, необходимо сказать о попытках государства ограничить рост нищеты с помощью законов о бедных.

Проблема нищеты непосредственно касалась всех слоев английского общества. Ее рост усугублял недовольство и обеспокоенность как неимущих, так и имущих. Первым он нес сокращение средств к существованию или потерю их. Вторых закон обязывал отдавать часть доходов на поддержание бедствующих, число которых постоянно увеличивалось. Пауперизм распространялся и вширь, и вглубь. Объективные причины этого явления оставались для современников скрытыми. Политическая экономия конца XVIII — начала XIX в. не могла объяснить неизбежности роста нищеты. Законы первоначального накопления, вызывающие к жизни пауперизм и определяющие динамику его развития, были еще неизвестны. Тем не менее общество считало проблему сложной, но разрешимой.

⁴ Burk E. Reflection on the French Revolution. L., 1791; Paine Th. Rights of Man. L., 1792.

⁵ Malthus Th. R. Essay on the Principle of Population. L., 1826, p. 5.

⁶ Hall Ch. The effect of Civilization on the People of European States. L., 1805; Hazlitt W. A Reply to the «Essay on Population» by the Rev. R. Th. Malthus in a Series of Letters to which are added Extracts from the «Essay» with Notes. L., 1807; Townsend J. Dissertation on Poor Law by a Well Wisher To Mankind. L., 1786. — Idem. N. Y., 1971.

¹ См. об этом: Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948; Черняк Е. Б. Демократическое движение в Англии, 1816—1820 гг. М., 1957; Он же. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962; Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962; Мецеракова Н. М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). М., 1979; Inglis B. Poverty and the Industrial Revolution. L., 1971.

² Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1975.

³ Черняк Е. Б. Указ. соч.

Нищета существовала уже не один век. Многие поколения англичан были свидетелями ее взлетов и спадов, она воспринималась большинством как нечто обязательное и естественное, но в какой-то мере регулируемое законодательным вмешательством извне. К концу XVIII в. накопился немалый опыт такого регулирования. Но бессилие традиционных мер ставило под сомнение правильность и действенность законов. В них искали первопричину поражения общества в борьбе с нищетой, к ним было приковано всеобщее внимание на протяжении всего XVIII в. и вплоть до 1834 г.

Вера в то, что исправление системы призрения бедных может кардинально решить проблему нищеты, наводила на мысль о реформе законодательства. В его основе лежал закон 1601 г., принятый на 43-м году правления королевы Елизаветы. Им утверждалось право на получение помощи от общества каждым, кто не мог приобрести достаточные средства к существованию из-за нетрудоспособности или по иным причинам, от него не зависящим. Для обеспечения этого права вводился прямой налог в пользу бедных. Призрение пауперов возлагалось на приход, в котором они проживали, т. е. на местные органы власти. Непосредственно оно осуществлялось попечителями о бедных, которые назначались мировыми судьями. Как правило, ими были церковные старосты и представители домовладельцев. Закон обязывал приход обеспечить нуждающихся работой, а если таковой не находилось, — содержать их вместе с семьями на средства, полученные от налога в пользу бедных. Из тех же средств выплачивались дотации каждому, чей заработок оказывался ниже прожиточного минимума. Размер налога устанавливал сам приход в зависимости от количества бедных и пропорционально доходам платежеспособных прихожан. Если приход был слишком мал и несостоятелен, то налог в пользу бедных собирался и с соседних приходов.

Согласно закону 1601 г., пауперы классифицировались по трем категориям: 1) трудоспособные, не имеющие работы; 2) нетрудоспособные (больные, инвалиды, дети, престарелые); 3) трудоспособные, не желающие работать. Право на помощь предоставлялось только двум первым категориям. Третья подпадала под действие законов о бродяжничестве и принудительном труде.

В 1610 г., дабы пресечь попытки жить на иждивении приходов, был издан закон об учреждении исправительных домов, куда помещали всех трудоспособных, уклоняющихся от работы.

Правление Карла II обогатило законодательство о бедных актом об оседлости (1662 г.). Н. М. Мещерякова доказала, что закон об оседлости не был серьезным препятствием для предпринимателей, но, напротив, служил в какой-то степени рычагом распределения рабочей силы в соответствии с их потребностями. В наибольшей мере от него страдали сами пауперы⁷.

⁷ Мещерякова Н. М. Указ, соч., с. 81—97.

В 1691 г. был издан закон, продиктованный необходимостью пресечь злоупотребления попечителей. Закон обязывал вести строгий учет и регистрацию всех выданных сумм с указанием, кому, когда и на каком основании они выплачивались. Вводился обязательный отчет (дважды в год) мировым судьям и администрации графств. О том, что эта мера оказалась недостаточно действенной и произвол ответственных за призрение бедных не уменьшился, свидетельствует закон 1743 г., который утверждал право каждого имеющего претензии апеллировать к ближайшим судебным сессиям.

Поскольку приходы не могли обеспечить всех нуждающихся работой, а содержание их за общественный счет обходилось налогоплательщикам слишком дорого, постоянно шли поиски более дешевой формы организации призрения. В 1681 г. верховный судья М. Хейл предложил взять сразу, как бы авансом, налог в пользу бедных, равный сумме, вносимой в течение семи лет, и на эти деньги учредить рабочий дом со всем необходимым оборудованием, где пауперы могли бы заниматься каким-либо трудом и таким образом за непродолжительное время отработать этот аванс. Идея была поддержана епископом Беркли. Бристольский предприниматель Джон Кэри представил финансовый план организации рабочего дома такого типа, и в 1695 г. эксперимент был осуществлен. Хотя бристольский проект оказался нерентабельным, правительство сочло эту форму призрения наиболее подходящей и в 1723 г. издало закон об обязательном помещении всех пауперов в рабочие дома. Отказ от поступления в них влек за собой потерю права на получение помощи от прихода. Страна покрылась густой сетью рабочих домов⁸, и сумма расходов на помощь бедным на некоторое время действительно значительно сократилась⁹. Во-первых, небольшая часть рабочих домов была рентабельной. Во-вторых, содержание в одном помещении и питание из одного котла массы людей стоило дешевле, чем доплата на кормление каждому в отдельности. И наконец, что очень существенно, сократилось число самих пауперов, ибо тысячи людей предпочли утратить право на скудное подаяние, но сохранить остатки независимости.

Общественное мнение, расколовшееся на два лагеря в отношении рабочих домов, активно обсуждало финансовую и моральную сторону этого предприятия. Система рабочих домов в определенной мере уменьшала налоги в пользу бедных, так как все заработанное пауперами поступало в приходские кассы. Благодаря ей часть пауперов была переведена на самообеспечение. Но ни для кого не было секретом, что подавляющее число обитателей рабочих домов составляли женщины, дети и старики. Не

⁸ Об организации труда в рабочих домах см.: Мещерякова Н. М. Указ, соч., с. 124, 125, 147—152.

⁹ В 1698 г. она равнялась 819 тыс., а в 1750 — 619 тыс. ф. ст. См.: Eden F. M. The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England from the Conquest to the Present period. L., 1797, vol. 1, p. 285.

представляли тайны и условия их содержания, давшие современникам повод переименовать эти заведения в «дома ужасов». Когда движение за создание рабочих домов только начиналось, предполагалось, что они будут трех типов: для трудоспособных; для инвалидов, женщин, детей и стариков и для уклоняющихся от работы. Однако в целях экономии фактически каждый рабочий дом заселили пауперами всех трех категорий. Кроме того, рабочие дома располагались преимущественно в городах или вблизи них и не могли вобрать в себя огромную часть пауперизированного сельского населения. Приходы аграрных районов не имели достаточных средств на строительство своих рабочих домов, и их расходы на бедных не сокращались, а росли.

Все эти проблемы попытался решить закон 1782 г., получивший название акта Гилберта, по имени его автора. Согласно ему, позволялось совместное строительство несколькими приходами рабочих домов для трудоспособных, оборудованных разнообразными мастерскими. Дабы обеспечить всех нуждающихся работой приходам рекомендовалось на средства от налога в пользу бедных организовывать фабрики, мануфактуры, фермы. Попытка осуществить этот проект 60 приходскими корпорациями показала его полную несостоятельность; приходы ограничивались созданием рабочих домов по старому типу.

Чтобы администрация не злоупотребляла властью, соблюдала установленные правила содержания бедных и не обогащалась за их счет, государство назначило особых штатных блюстителей над рабочими домами и приходами. Прежним попечителям отводилась только роль сборщиков налогов в пользу бедных. Управление всеми делами призрения бралось под более строгий контроль.

Развивающаяся промышленность требовала свободного перемещения рабочей силы, что заставило правительство в 1795 г. издать закон об отмене принудительной оседлости. Теперь бедный выселялся в свой приход только в том случае, если он фактически доказывал, что он в тягость новому приходу. Пока у него была работа, ему разрешалось проживать в выбранном им самим месте. Закон восстановил право на свободное перемещение и трудоустройство по собственному желанию.

В том же 1795 г. ежегодная сессия мировых судей графства Беркшир констатировала, что местные заработки упали ниже прожиточного минимума. Однако рабочие в том неповинны, так как в данном случае их бедственное положение определялось причинами, от них не зависящими. Сессия постановила: «Настойчиво рекомендовать фермерам и всем предпринимателям по всей стране повысить оплату своим работникам соответственно установленным продовольственным ценам»¹⁰. В случае отказа нанимателя рабочий имел право претендовать на пособие. Оно определялось по скользящей шкале, в основе которой лежала цена хлеба. Учитывался также состав семьи. В районах, где 1 галлон

муки стоил 1 шилл., рабочему гарантировалась еженедельная доплата в 3 шилл. на него самого и по 1 шилл. 6 пенсов на жену и каждого ребенка. При росте стоимости галлона муки на каждый пенс повышенной цены полагалось еженедельное пособие не менее 3 пенсов на кормильца и по 1 пенсу на каждого иждивенца. Те, чей заработок оказывался ниже установленного минимума, могли получить разницу за счет налога в пользу бедных. Многие магистраты, особенно в Средней и Южной Англии, приняли эту систему, названную «спинхэмлендской» по имени местечка, где она впервые была предложена. Однако землевладельцы и предприниматели начали искусственно занижать заработную плату в расчете получить наибольшую дотацию от приходских благотворительных касс. Какая-то часть ее отдавалась рабочим в виде доплаты до положенного минимума, но значительные суммы оседали в карманах работодателей.

Катастрофическое падение жизненного уровня неимущих слоев в связи с неурожаями 1793—1794 гг., застой в некоторых отраслях промышленности и страх перед массовыми волнениями заставили правительство У. Питта зимой 1795 г. принять акт, утверждающий пособия рабочим по «спинхэмлендской системе».

В 1796 г. официально был отменен запрет 1723 г. оказывать помощь пауперам, не состоявшим в рабочих домах. Эта отмена была лишь юридическим подтверждением практики, получившей особенно широкое распространение после принятия акта Гилберта.

Закон 1834 г. фактически свел на нет все, что было отменено в 1782, 1795 и 1796 гг. Пособия, соответствующие цене хлеба, отменялись полностью. Восстанавливалось обязательное помещение всех пауперов в рабочие дома. Труд пауперов опять стал принудительным, а перемещения ограничены.

Таков краткий обзор законодательства о бедных на интересующий нас период. Мы привели лишь основные законы, оставив в стороне многочисленные дополнения к ним, касающиеся механизма надзора за соблюдением законов, водворения пауперов по месту жительства и правил урегулирования конфликтов между приходами из-за пришлых бедных.

Знакомство с упомянутыми законами показывает внутреннее противоречие всей системы призрения неимущих. С одной стороны, Англия была первой страной, где государство провозгласило право человека на получение работы и помощи в случае ее отсутствия. Оно законодательно гарантировало прожиточный минимум всем гражданам. Но минимум этот был столь ничтожен, что позволял лишь не умереть с голода. К тому же он достигался ограничением свободы.

Но самым существенным изъяном системы общественного призрения было то, что она не решала, да и не могла решить проблемы нищеты, а лишь удерживала ее на определенном уровне. Когда же она вышла из-под контроля, то корень зла усмотрели не в пороках социальных или экономических институтов,

¹⁰ Nicholls G. History of the English Poor Law. L., 1854, p. 130—132.

а в недостатках законодательства о бедных. Разумеется, находились люди, понимавшие, что пауперизм — частное проявление болезни всего общества и, чтобы избавиться от него, необходимо изменить само общество¹¹. Однако они были в абсолютном меньшинстве.

Все требовали реформы законодательства о бедных. Но понимание ее задач было разным. Одни пытались найти путь обеспечения неимущих, сдавая им в аренду по низкой цене неогороженные земли. Не исключалась даже идея национализации земли. Подобного мнения придерживались все радикальные мыслители и часть более умеренных реформаторов (публицист Ф. Плейс, священники Д. Дейвис и Дж. Хоулет). Идея изжить пауперизм, наделив всех нуждающихся земельными участками, коренилась в традиционном взгляде на землю как основной источник национального и индивидуального богатства. Немногочисленных сторонников такого подхода к проблеме объединяло отношение к пауперам как жертвам, во-первых, социального неравенства и, во-вторых, огораживаний. Пороки, свойственные неимущим, они объясняли условиями их жизни, а не врожденными склонностями и виновным в положении бедных считали общество.

Большинство же исходило из установившегося убеждения о виновности самих пауперов в собственных бедствиях. Рост нищеты объяснялся не объективными причинами, а порочными склонностями неимущих, прежде всего ленью и расточительностью. Законы о бедных, по этой логике рассуждений, только поощряли названные пороки, что давало повод говорить о их несправедливости и о разрушающем воздействии на мораль общества. Например, один из исследователей законов о бедных, получивший за свою работу в 1793 г. приз ирландской Академии, Самуэль Крамп, рассматривал законы как установление, «которое предлагает награду за праздность, обеспечивает пищей, одеждой, лекарствами ленивого негодяя, который не работает, но взимает за это обеспечение в форме податей на все производимое своими трудолюбивыми соседями»¹². Самый авторитетный в то время исследователь положения трудящихся Ф. М. Иден писал о помощи, полученной пауперами Беркшира в 1796 г.: «В эту зиму они жили как никогда хорошо, однако они обеспечили себе такую жизнь не заработками, но большим моральным ущербом для себя, ибо получили ее как благотворительность»¹³.

«Безнравственность» законов о бедных была исходным пунктом их критики и служила доказательством неправомерности притязаний на долю доходов имущих соотечественников. Тот факт, что доходы приносила именно эксплуатация бедных, не принимался во внимание, хотя труд признавался источником любого благосостояния. Декларация морального вреда законов оправды-

вала стремление состоятельных членов общества максимально сократить налоги в пользу бедных.

Налоги, действительно, были немалыми. По данным Г. Николлса в 1785 г. по всей стране они составили 1 912 000, в 1803 г. — 4 077 891 и в 1817 г. — 7 870 801 ф. ст.¹⁴ Для либералов и консерваторов желанным идеалом было самообеспечение пауперов. Большие надежды они возлагали на работные дома. Ф. М. Иден неоднократно отмечал выгоду и пользу, приносимую местными работными домами. Даже ужасные условия содержания в этих заведениях он ставил им в заслугу: «Работные дома хороши еще и тем, что, отвращая от себя бедных, ощутимо сокращают число претендентов на доходы налогоплательщиков, ибо многие предпочитают отказаться от помощи вообще, только бы не попасть в них»¹⁵.

Другим, не менее эффективным средством считали повсеместное учреждение рабочих обществ взаимопомощи (*friendly societies*), происхождение которых восходит к традициям цеховых гильдий. Их члены делали небольшие регулярные взносы в общий фонд, из которого оказывалась материальная помощь заболевшим и престарелым. Ф. М. Иден считал эти общества достойными всяческого поощрения: они позволяли рабочим перейти на полное самообеспечение. Иден полагал, что это было бы справедливо с точки зрения религии и здравого смысла¹⁶.

В 1801 г. он опубликовал «Исследование об обществах взаимопомощи». По его данным, на 1793 г. в Англии и Уэльсе действовало 7200 обществ, насчитывавших 648 тыс. членов¹⁷. В том же году по инициативе секретаря государственного казначейства Г. Роуза правительство приняло акт, поощрявший создание таких обществ, как учреждений, полезных и сокращающих налоги на бедных. Закон 1799 г. о запрете любых форм объединения рабочих не распространялся на общества взаимопомощи. Согласно парламентским отчетам, в 1803 г. в стране было 9 672 таких общества и всего в них входило 704 350 человек¹⁸.

В книге «Положение бедных...» Ф. М. Иден рассказывает о многих подобных обществах, в частности о четырех кассах взаимопомощи, основанных и патронированных неким Кёрвином в Уоркингтоне и его окрестностях. Сам Кёрвин и его жена жертвовали при учреждении кассы от 50 до 100 ф. ст. и затем давали по 3 ф. ст. на каждые 10 ф. ст. взносов. Общество, организованное в 1783 г., имело к 1796 г. фонд в 358 ф. ст. 3 шилл. 4 пенса. По его уставу заболевшим выплачивалось еженедельно 7 шилл. 6 пенсов в течение первых 13 недель и затем по

¹⁴ Nicholls G. Op. cit., p. 39. Ср. с данными Идена на 1776 г. — 1 720 316 ф. ст. См.: Eden F. M. The State of the Poor..., vol. 1, p. 408.

¹⁵ Ibid., vol. 1, p. 285.

¹⁶ Ibid., p. 599.

¹⁷ Eden F. M. Observation on Friendly Societies. L., 1801; Gosden P. H. J. H. The Friendly Societies in England. Manchester, 1961, p. 4.

¹⁸ Ibid., p. 5, 6.

¹¹ Мы имеем в виду прежде всего Т. Пейна, Т. Спенса, У. Годвина, Ч. Холла.

¹² Inglis B. Op. cit., p. 100.

¹³ Eden F. M. The State of the Poor..., vol. 1, p. 583.

3 шилл. 6 пенсов до выздоровления. В другом обществе (около 100 членов) фонд составлял 101 ф. ст. 3 шилл. 9 пенсов, и еженедельная помощь равнялась 7 шилл. 4 пенсам первые 12 месяцев и потом 4 шилл. до выздоровления. Престарелым давалось еженедельно по 4 шилл. Стаж членства, необходимый для получения помощи, был 18 месяцев. Ежегодный членский взнос — 1 шилл. Третье общество, патронируемое Кёрвином, с фондом в 142 ф. ст. 14 шилл. 3 пенса, помимо еженедельной выплаты больным по 6 пенсов в течение года и 2 шилл. до возвращения трудоспособности, выдавало в случае смерти своего пайщика 5 ф. ст. его вдове. Взнос в нем был ежемесячным — 6 пенсов. И наконец, четвертое общество владело фондом в 376 ф. ст. 13 шилл. 9 пенсов. Ежегодный взнос равнялся 1 шилл. Еженедельная помощь нетрудоспособным была 5 шилл. первые 13 недель, 3 шилл. вторые 13 недель, 2 шилл. 6 пенсов следующие 13 недель и 2 шилл. до конца болезни. Поскольку в Уоркингтоне действовал еще и рабочий дом, налог в пользу бедных не превышал 6 пенсов на фунт «улучшенной» ренты¹⁹.

Многие, подобно Идену, возносили хвалу обществам взаимопомощи. Известный философ и публицист Р. Прайс считал, что 100 человек, внося еженедельно по четверти пенса, могут составить такое общество. По его подсчетам, оно обеспечило бы ежегодно в случае болезни семь человек еженедельным пособием не менее 6 шилл. 6 пенсов. Фонд должен включать неприкосновенную сумму, которая хранится в банке на условиях 3,5% годовых. Из запасного бюджета можно было бы содержать престарелых членов (с 67 лет), выплачивая им по 1 ф. ст. в год до 75 лет и по 12 ф. ст. до конца жизни²⁰.

Девонширский священник, автор нескольких проектов реформы законов о бедных Джон Экланд внес в 1782 г. на рассмотрение парламента билль об учреждении всеанглийского национального общества страхования. Предполагалось, что каждый работающий в возрасте от 21 до 30 лет будет вносить еженедельно часть заработка в соответствии со своим годовым доходом, а для людей от 30 до 50 лет устанавливался единовременный ежегодный взнос. Пропорционально взносу выплачивалось бы пособие по болезни и старости, а также в случае безработицы. Вклад бедных рассчитывался, исходя из среднего заработка. Так, аграрный рабочий, получавший 2 пенса в день, и слуга, еженедельный заработок которого был 1 шилл. 6 пенсов, должны были оба вносить по 2 пенса. Женщины, чей еженедельный заработок равнялся 1 шилл. 3 пенса, вносили бы по 1,5 пенса. Тем, чей взнос был не меньше 2 пенсов, выплачивалось бы пособие в размере 6 шилл. по болезни и 3 шилл. в случае безработицы в неделю, а также небольшая надбавка на поддержание детей. Женщины имели бы пособие на новорожденных, если они состояли членами общества

не менее девяти месяцев до рождения ребенка. Всем, кто не вступал в национальное страховое общество, отказывалось в праве на благотворительную помощь в любой форме. Этот проект был принят палатой общин и отвергнут палатой лордов на том основании, что сумма взноса для бедных при современном уровне заработной платы нереально высока. Аргументация была вполне резонной. Ее разделяли и Дж. Хоулет и Ф. М. Иден²¹. План Экланда не предусматривал никаких мер по сдерживанию роста цен на жизненно необходимые средства. В этом и заключалась его слабость. Любопытно отметить, что среди наиболее активно выступивших против него оказались члены многих обществ взаимопомощи, которых не устраивала перспектива вмешательства государства в их дела²².

Идея Экланда не была новой. Десятью годами раньше адвокат Ф. Майсерес предлагал проект страхового общества, которое собирало бы ежегодные сбережения рабочих в размере не менее 10 ф. ст. и помещало бы их в банк с 3,5% годовых. Этот проект тоже получил одобрение нижней палаты и не прошел в верхней: сумму в 10 ф. ст. могли обеспечить только рабочие высокой квалификации, для остальных она была абсолютно недоступной²³.

Наиболее реальным представлялось поощрение добровольного вступления бедных в общества взаимопомощи, которые сами бы решали вопрос о размерах взносов и пособий. Этот путь поддерживали Ф. М. Иден и Т. Гилберт. Иден полагал, что взнос не должен превышать одной двадцатой четвертой или одной тридцатой шестой еженедельного заработка. Как и Гилберт, он рекомендовал приходам оказывать помощь при учреждении обществ, делая определенный взнос в их фонд²⁴.

Такой вариант перевода пауперов на самообеспечение не был осуществлен, хотя многие считали его самым удобным и перспективным. Массовые возмущения бедноты и бунты, охватившие большую часть графств в первые десятилетия XIX в., испугали правящие круги. К 30-м годам XIX в. официальная точка зрения, признавая выгодность обществ взаимопомощи, рассматривала их уже как опасные в политическом смысле²⁵. Реформа 1834 г. не предусматривала никакого государственного содействия рабочим обществам взаимопомощи.

Проекты подобного рода имели в виду интересы прежде всего имущих слоев, так как они могли бы платить меньшие налоги в пользу бедных. Самим пауперам они никакой выгоды не несли.

¹⁹ *Eden F. M. The State of the Poor...*, vol. 1, p. 102, 103.

²⁰ *Ibid.*, p. 616.

²¹ *Howlett Jh. Enclosure and Population: An Inquiry into the Influence which Enclosures have had upon the Population of England. L., 1786, p. 39; Eden F. M. The State of the Poor...*, vol. 1, p. 375.

²² *Ibid.*, p. 59.

²³ *Ibid.*, p. 356; *Inglis B. Op. cit.*, p. 57, 58.

²⁴ *Eden F. M. The State of the Poor...*, vol. 1, p. 600.

²⁵ *Gosden P. H. J. H. Op. cit.*, p. 6.

Проекты, способные улучшить положение неимущих, отвергались парламентом, даже если их авторами были далеко не радикалы. Так, в 1795 г. У. Питт предложил учредить государственный фонд, из которого обезземеленные аграрные рабочие могли бы получить заем на приобретение участка, достаточного для небольшого огорода и содержания одной коровы. Он также рекомендовал организацию мастерских для молодежи, где они приобретали бы специальность и одновременно получали заработок. Обе меры не были изобретением Питта. За ними стояла более чем вековая традиция, они предусматривались во всех планах помощи пауперам, разработанных радикалами. Парламент не принял рекомендации Питта²⁶.

Такая же участь постигла другую попытку улучшить положение бедноты. Зимой 1795 г. Самуэль Уитберт, сын владельца крупнейшей в Лондоне пивоваренной фирмы, внес на рассмотрение парламента билль о предоставлении магистратам права принуждать предпринимателей (аграрных и промышленных) обеспечивать рабочим заработную плату, соответствующую прожиточному минимуму. Против билля выступил лидер вигов К. Дж. Фокс. Государственное вмешательство, убеждал он, противоречит законам политической экономии. Питт поддержал Фокса ссылками на А. Смита. Парламент отклонил билль, как посягающий на свободу предпринимательства. Позиция Питта была одобрена Ф. М. Иденом: «Если капитал и труд правильно сбалансированы, оплата труда будет абсолютно достаточной для реальных потребностей трудящихся. Если капитал превышает спрос на труд, рабочий будет получать больше, чем нужно для его действительных потребностей. Если рынок труда превышает капитал, то, несмотря ни на какие политические меры, трудящийся должен голодать»²⁷. В решении проблемы нищеты большинство экономистов, политиков и философов исходило из выдвинутого А. Смитом положения о том, что индивидуальная доля благосостояния и счастья каждого члена общества находится в прямой зависимости от благосостояния общества в целом. Отсюда делался вывод: только увеличение национального богатства способно улучшить жизненный уровень пауперов, так как лишь оно может дать им большую долю в общем доходе. Свободное предпринимательство должно было обеспечить рост национального богатства — и потому оно получало гарантии неприкосновенности. В конце XVIII в. эта теория развивалась также в работах Э. Бёрка, Дж. Пристли, Дж. Бентама, А. Юнга, Ф. М. Идена²⁸.

²⁶ *Inglis B.* Op. cit., p. 85. См. об аналогичной реакции на такие же предложения Артура Юнга: *Ibid.*, p. 124.

²⁷ *Eden F. M.* The State of the Poor..., vol. 1, p. 583. Под «реальными» или «действительными» потребностями рабочих Иден подразумевает только обеспечение питанием и одеждой на уровне прожиточного минимума. Все, что сверх того, он считает превышением потребностей.

²⁸ *Burk E.* Thoughts on Scarcity. L., 1795; *Priestly J.* Manuel of Political Economy. L., 1793; *Bentham J.* Observations on the Poor Bill. L., 1797; *Young A.*

Попытки регулирования заработной платы государством разбивались о принцип «laissez-faire».

Упомянутые проекты реформы законодательства о бедных показывают, что за редким исключением представители буржуазных слоев искали самый дешевый способ борьбы с нищетой. Рассмотрим теперь, какое решение этой проблемы предлагалось Дж. Таунсендом в «Исследовании законов о бедных доброжелателем человечества»²⁹.

Согласно Дж. Таунсенду, все социальные законы обусловлены природой и Провидением. Природа предопределила характер связи человека с человеком, первейший принцип которой — субординация или подчинение слуги хозяину. Закон субординации, заданной свыше, — единственный залог прочности связи между людьми, а следовательно, сохранности общества. Законодательство обязано, уважая prerogative природных установлений, изучать их и обеспечивать им естественное функционирование³⁰.

Бог призвал бедных и богатых занять предназначенное каждому место. Закон Священного писания — «бедные никогда не исчезнут с лица земли» — непреложен. Бедные сотворены, дабы облегчить существование богатых: «По-видимому, это закон природы, чтобы бедные были в определенной степени нерасчетливыми, чтобы они всегда могли выполнять для общества самые холопские, грязные и низкие работы. Сумма человеческого счастья, таким образом возрастает, пока наиболее утонченные не только освобождены от тяжелых, нудных и ненужных работ, делающих их несчастными, но постоянно обеспечены свободой следовать своему призванию и занятиям, наиболее полезным для государства»³¹.

The Questions of Scarcity Plainly Stated. L., 1800; *Eden F. M.* The State of the Poor...

²⁹ Джозеф Таунсенд (1739—1816), сын лондонского купца, окончил Кембриджский университет по курсу богословия. Получил степени бакалавра (1762 г.) и магистра (1765 г.). Затем изучал медицину в Эдинбурге. Несколько лет практиковал врачом, но потом посвятил себя религии. Был ректором Уилтширского прихода. Совершил два путешествия во Францию, Голландию, Фландрию, Швейцарию и Испанию (1768 и 1786—1787 гг.). В 1791 г. опубликовал трехтомное «Путешествие по Испании...», имевшее большой успех. Оно переиздавалось в 1792 и 1814 гг. «Исследование законов о бедных...» в 1800 г. перевели во Францию, а в 1778 и 1817 гг. переиздали в Англии. Современники знали Таунсенда как крупного геолога, он собрал одну из самых богатых в стране коллекций минералов. Он был автором книг по медицине, религии и языкознанию. На социальные темы им написаны: «Размышления о деспотическом и свободном правлении» (1781 г.), «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» (1786 г.), «Обзор различных планов, предлагаемых обществу для облегчения состояния бедных» (1788 г.), «Путешествие по Испании в 1786 и 1788 гг. с особым вниманием к сельскому хозяйству, промышленности, торговле, населению, налогам этой страны и заметкам о частичном путешествии по Франции» (Т. 1—3. 1791 г.). О нем см.: *The Dictionary of National Biography*, vol. 19, p. 1033, 1034.

³⁰ *Townsend J.* Op. cit., p. 26.

³¹ *Ibid.*, p. 39, 29.

Законы политической экономии, тоже неподвластные человеку, требуют, чтобы общество имело постоянно некое количество бедных для удовлетворения рынка рабочей силы. Она должна всегда быть дешевой. Во-первых, это отвечает интересам нанимателей и, во-вторых, не позволяет бедным завышать свои потребности: «Там, где цена труда высока, производители привыкают к роскоши, их потребности начинают превышать элементарные и жизненно необходимые. Они соответственно стремятся сохранить высокую цену труда и повысить цены на всю производимую ими продукцию»³².

Бедные — необходимый элемент общества, гарантирующий его нормальное функционирование. Однако «здоровый социальный организм» допускает наличие бедных лишь в известных пределах, ограниченных его потребностями. Увеличение численности бедных выше общественного спроса на них чревато самыми серьезными последствиями, так как нарушает закон о размерах народонаселения. Таунсенд выводит свой закон из принципа отбора, господствующего в природе. Для его доказательства он приводит историю острова Хуан-Фернандес, расположенного у южных берегов Чили. Открывший его когда-то испанский адмирал Фернандес оставил на нем пару коз. Прекрасные природные условия позволили козам расплодиться. Но настал момент, когда обилие кормов пессякло, и козам грозила голодная смерть. Каждый раз, когда их число становилось чрезмерным, природа регулировала его, сокращая пропорционально имеющемуся корму. Возвращение к нужному балансу происходило двояко: во-первых, начинались эпидемии, уничтожавшие лишние; во-вторых, в изменившихся условиях наиболее слабые погибали. Естественное регулирование поголовья продолжалось до тех пор, пока испанцы не обнаружили, что английские каперы пополняют на острове съестные запасы. Политические обстоятельства не позволяли испанцам открыто напасть на каперов, и они прибегли к хитрости — завезли на остров пару борзых собак. При обилии дичи собаки быстро расплодились. Поголовье коз резко упало. Если бы собаки истребили всех коз, то тем самым обрекли бы себя на голодную смерть. Но этого не произошло. Часть коз, сильных и выносливых, ушла в труднодоступные скалы. Численность собак, естественно, сократилась: только те, кто смог приспособиться, обеспечивали себя пищей. Таким образом было установлено новое равновесие. «Самые слабые особи обоих видов первыми заплатили долг природе. Наиболее активные и сильные сохранили свои

жизни. Количество пищи — вот что регулирует количество человеческого вида»³³.

Закон природного отбора Таунсенд считает всеобщим и не зависящим ни от степени развития общества, ни от социальных институтов. Он определяет и численность населения, и деление общества на бедных и богатых. Он же обрекает на неудачу или делает бесплодным принцип общности имущества. Так, дикари, не знавшие частной собственности, были вынуждены существовать на едином для всех уровне нищеты, так как добываемой пищи было недостаточно для нормального пропитания каждого. Переход к скотоводству позволил населению значительно возрасти, ибо дал дополнительные источники пищи. Однако закон борьбы внутри вида привел к разделению на богатых, которыми стали активные и сильные, и бедных (слабые и ленивые), вынужденных идти к ним в услужение либо погибнуть от голода. Земледельческому обществу потребовались века, чтобы почувствовать ограничения, диктуемые природой. «За это время — пишет Таунсенд, — произошло полное разделение труда, появились не только пахари, но и ремесленники, купцы, денежные люди и владельцы земли, солдаты и интеллигенты; со всеми слугами, призванными облегчить труд по обработке земли»³⁴. Введение общности имущества имело бы своим следствием быстрый прирост населения, — и в конечном итоге «слабый погиб бы скорее»³⁵. Принцип частной собственности задан самой природой, ибо богатство есть результат деятельности активных и сильных, итог их борьбы за самосохранение. В этой борьбе верх одерживают те, кто является носителем добродетели, включающей в себя три основных качества: трудолюбие, умеренность и бережливость. Благополучие каждого индивида соответствует степени его добродетели. Социальное неравенство приобретает у Таунсенда смысл извечного и всеобщего закона. «Ход природы легко нарушить, но человеку никогда не будет позволено изменить ее законы. Если бы в Англии вдруг установилось новое, равное распределение собственности, можно не сомневаться, что вскорости вновь имело бы место то же неравенство, какое наблюдается сейчас: расточительные, ленивые и порочные рассеяли бы свои средства; благоразумные, активные и добродетельные вновь бы увеличили свое состояние»³⁶.

Численность населения обусловлена запасами пищи. Этот закон непреложен и налагает на разные слои общества определенные обязанности. Богатые не ограничены в своем воспроизводстве, ибо имеют средства к существованию. Вся ответственность за ущерб, наносимый обществу ростом населения, возлагается на бедных. Они повинны в том, что «разрушают покой и удобства богатых» и «без какой-либо пользы придают всеобщий характер

³² Ibid., p. 30. Заметим, что в отношении богатых Таунсенд считает стремление к роскоши, понимаемое им как создание наиболее комфортабельных условий жизни, не только оправданным, но и благотворным для общества, так как оно стимулирует производство и способствует росту занятости, т. е. предоставляет заработок большому числу людей. См.: Ibid., p. 32, 33.

³³ Ibid., p. 37—38.

³⁴ Ibid., p. 39.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid., p. 40.

той нищете и нужде, которые ранее были только частичными», ибо «увеличивают число человеческих особей ранее, чем будет обеспечена достаточная для их поддержания провизия»³⁷. Население страны не должно выходить за рамки, ограниченные количеством продуктов и капиталов, вложенным в производство. В Англии же «населения больше, чем страна может прокормить и обеспечить работой»³⁸. В этом он видит главную причину роста нищеты.

Вторая причина — лень и порочность бедняков. Их понятие о нравственности не включает двух свойств, создающих фундамент национального процветания: трудолюбие и бережливость. Не зная умеренности, отлынивая от труда, они лишают себя единственного источника счастья и благосостояния и прозябают в нищете, обрекая собой состоятельных сограждан³⁹. Тяжесть их положения усугубляется пьянством, которое есть следствие не самой нищеты, но невежества бедных⁴⁰. Таунсендом движет, однако, не попечение о моральном и физическом здоровье бедных. Их пристрастие к алкоголю беспокоит его лишь в той мере, какой оно наносит урон предпринимателям⁴¹.

Третья причина роста нищеты, выдвигаемая Таунсендом, — действие законов о бедных. Издание первых законов он считает положительным явлением, во многом способствовавшим развитию производства в XVII в. Тогда перед правительством, по его мнению, стояли две задачи: «заткнуть рты и найти честное приложение рукам» тысяч пауперов, бывших до секуляризации на иждивении монастырей⁴². Первые законы хорошо справились с обеими проблемами: и общественный порядок был огражден от возможных возмущений, и рынок рабочей силы получил значительное пополнение. Однако со временем эти законы вместо стимула к развитию общества превратились в тормоз. Они более не соответствовали тому, ради чего были приняты, а напротив, представляли серьезное препятствие и росту производства, и общественному спокойствию.

Законодательство о бедных ослабляет социальные связи, определенные самой природой, т. е. подчинение слуги хозяину. Слуга, знающий, что паниматель должен его кормить, не будет уже испытывать перед ним должного трепета. Кроме того, закон обязывает владельца земли обеспечить бедных работой⁴³. Отсутствие страха перед голодом потворствует расточительности и понижает готовность к исполнению требований, «которые общество предъявляет к своим наиболее нуждающимся членам». Законы о бедных опасны, ибо «имеют тенденцию разрушать гармонию и

красоту, симметрию и порядок, установленные в мире богом и природой»⁴⁴. Они, по сути дела, переиначивают сей порядок: благодаря им не бедный зависит от богатых, а, наоборот, вторые оказываются в услужении первых⁴⁵.

Утверждаемое законом право каждого на труд представляется Таунсенду абсурдным, ибо естественно и непременно часть общества должна нуждаться в работе и обрекаться на голод. Перед обществом может стоять только один вопрос: кого стоит уберечь от голода и холода. И здесь вступают в силу нравственные критерии: предпочтение отдается трудолюбивым, бережливым и усердным, т. е. наделенным теми самыми добродетелями, носителями которых для Таунсенда являются только богатые⁴⁶.

Наконец, законы о бедных вмешиваются в действие естественного закона народонаселения, поскольку обеспечивают средства существования всей массе пауперов. По велению природы слабые особи любого вида должны погибнуть, дабы сохранилось нужное равновесие (*proper balance*). Однако Англия не только препятствует вымиранию бедных, но и всемерно способствует увеличению их числа, забывая, что этим она сумеет лишь «весьма расширить границы человеческого страдания»⁴⁷.

Законы о бедных, продолжает Таунсенд, затрудняют прогресс производства и, следовательно, не позволяют государству исполнить свое предназначение⁴⁸. Землевладельцы заинтересованы в развитии мануфактур на территории своих имений. Выгода очевидна: можно реализовать на месте всю продукцию земли и привлечь большее число новых потребителей, а следовательно, повысить цены на все продукты сельского хозяйства. Однако значительный процент рентного дохода изымается и тратится на бедных, сокращая свободный капитал. К тому же приток рабочей силы может повлечь за собой соответствующее увеличение налога в пользу бедных⁴⁹. Страх перед ростом налогов сдерживает огораживание за счет пустошей, что потребовало бы привлечения дополнительных работников⁵⁰. Промышленные предприниматели страдают от нерадивости бедных, которую они вынуждены терпеть.

Законы о бедных наносят серьезный материальный ущерб всем, но особенно, утверждает Таунсенд, фермерам. Налог сокращает их и без того скромные средства. Они вынуждены жертвовать на пауперов, обрекая тем самым собственные семьи на лишения. Добытое тяжелым трудом фермера достается не ему, ибо

³⁷ Ibid., p. 39, 44.

³⁸ Ibid., p. 47.

³⁹ Ibid., p. 25.

⁴⁰ Ibid., p. 30.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., p. 18.

⁴³ Ibid., p. 26, 35.

⁴⁴ Ibid., p. 36.

⁴⁵ Ibid., p. 35.

⁴⁶ Ibid., p. 37.

⁴⁷ Ibid., p. 44, 42, 22.

⁴⁸ Ibid., p. 17.

⁴⁹ Ibid., p. 27.

⁵⁰ Ibid., p. 31.

по закону «в первую очередь должен быть накормлен расточитель» и «одеты дети проститутки»⁵¹.

Один из самых серьезных недостатков законов Таунсенд видит в их дурном воздействии на нравственность как бедных, так и богатых. Освобожденные от забот о пропитании пауперы закоснели в пороках. Критерии нравственности подорваны, ибо две основные пружины трудолюбия — страх и надежда — ослаблены действием законов⁵². Усердие бедняков теряет смысл, если они знают, что самый напряженный труд не увеличит их доходов; все, созданное ими сверх нормы, уйдет «на потребу трутня»⁵³. По вине закона работник не почитает своего нанимателя как благодетеля и единственную опору в случае болезни или безработицы⁵⁴. Законы вводят бедных в заблуждение, подменяя положительный нравственный идеал отрицательным. «В настоящее время, — пишет Таунсенд, — предметом зависти ленивых и расточительных является не тот, кто стремится к увеличению своего богатства, но праздный бедный в каждом приходе, который своей наглостью и назойливостью добился щедрой помощи»⁵⁵.

Законы наносят моральный ущерб и богатым. Оскорбительна их принудительность. Они заставляют соучаствовать в нравственном разложении своих сограждан. Они несправедливы, ибо не вознаграждают, а попирают добродетель. И наконец, имущие поставлены в неравное положение с неимущими в случае разорения наниматели не могут рассчитывать на помощь общества, позволяющую жить на привычном для них уровне⁵⁶.

Таунсенд пытается доказать, что законы о бедных не выдерживают критики ни с этической, ни с экономической точек зрения. Они полностью несостоятельны, вредны и не решают проблему нищеты, а лишь усугубляют ее. Он предлагает обратное по смыслу средство — воздействие на нищету голодом. В первую очередь это позволит сократить численность населения, т. е. ограничить главный источник нищеты. Необходимо внушить людям страх перед голодом, во власти которого будут они и ближайшие их потомки. Тогда осуществится контроль над рождаемостью и восстановится нужное равновесие⁵⁷.

Голод может выполнять и другие функции, в частности принуждать бедных к труду, поскольку им «малоизвестны мотивы, которые стимулируют деятельность более высоких слоев: гордость, честь, честолюбие. В принципе единственно голод может заставить их работать»⁵⁸. Свое мнение Таунсенд подкрепляет следующими доводами «Законодательное принуждение сопряже-

но с большими хлопотами, насилием и шумом и создает болезненное состояние общества, но никогда не сможет обеспечить прилежное служение, в то время как голод — не только мирное, тихое и неослабное давление, но и самое естественное побуждение к трудолюбию»⁵⁹. В аргументации Таунсенда два любопытных момента. Она одновременно содержит план наиболее безопасного, «тихого» устрашения бедных и обеспечивает дополнительные, можно сказать, побочные выгоды. Плата за принудительный труд, данная как спасение голодающему, поставит бедных в положение моральных должников богатых, с одной стороны, и внушит им чувство полной зависимости от благодетельности богатых, с другой. Еще одно назначение голода — держать бедных в страхе и повиновении, усмирять непокорных. «Самый мудрый законодатель не сможет изобрести более соответствующего интересам обеих сторон, более эффективного и в любом смысле более подходящего наказания для строптивого слуги, чем голод. Он усмирит самых свирепых животных, научит пристойному поведению, вежливости, послушанию и зависимости»⁶⁰. Таунсенд понимает жестокость пропагандируемой им меры, но он считает, что «давление, которому сопутствует жестокость, самое наилучшее»⁶¹. Голод и страх перед ним должны заставить пауперов с благодарностью принять любые условия⁶². Голод — универсальный регулятор и численности населения, и социальных отношений.

Проводедь голода как средства принуждения, «приручения» пауперов и ограничения их числа, казалось, должна была бы противоречить христианской этике, так как принцип помощи ближнему является одной из фундаментальных ее основ. Отстаивая свою позицию, Таунсенд доказывает ее абсолютное соответствие религиозно-нравственным нормам. Христианская доктрина предписывает добросердечие. Но одновременно она оставляет каждому свободу выбора, творить милостыню или нет, ибо исходит из закона доброй воли в распоряжении своим имуществом. Поскольку христиане предоставлены собственной воле и рассудку, они тем более должны помогать страждущим братьям по мере сил. Заповедь помощи ближнему и заботы о нем священна, и милосердие человека будет репашать его участь в Судный день. Но это вовсе не означает, что христианство требует милосердия без разбора. Долг каждого — избрать из страждущих достойных сострадания и отвергнуть недостойных. Отвергнутые должны почувствовать, чего они лишились, потворствуя собственным по-

⁵¹ Ibid, p. 21.

⁵² Ibid, p. 24.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid, p. 26.

⁵⁵ Ibid, p. 34—35.

⁵⁶ Ibid, p. 34.

⁵⁷ Ibid, p. 44.

⁵⁸ Ibid, p. 23.

⁵⁹ Таунсенд уподобляет рабочих животному, описанному натуралистом П. Ниблом. Оно столь инертно, что когда обьет листву одного дерева, то исхудает до кожи и костей прежде, чем переберется на другое. К тому же оно так медлительно, что даже побои не заставят его двигаться быстрее. См. Ibid, p. 24.

⁶⁰ Ibid, p. 27.

⁶¹ Ibid, p. 35.

⁶² Ibid, p. 36.

рокам. Христианская благотворительность никогда не подразумевала поощрения расточительности, но всегда поддерживала стремление к бережливости и разумности. Бедные в большинстве своем забыли апостольскую истину о том, что хлеб дается человеку в поте лица его. Заповедь «кто не работает, тот не ест» заключает в себе подлинно христианское воздаяние, ибо не обеспечивший хлебом себя ничего не сможет дать другому, а потому обкрадывает сразу двоих — и себя, и ближнего⁶³.

Все меры, которые Таунсенд предлагает как средство борьбы с нищетой, находятся, по его мнению, в полном согласии с христианской этикой. В основу этих мер положены два принципа. Первый: бедные должны быть поставлены в условия, когда они будут вынуждены добиваться расположения богатых. Второй — богатых следует максимально освободить от принудительного бремени, налагаемого на них неимущими.

Предложения Таунсенда направлены на решение двух задач: поощряя развитие промышленности, поддерживать экономику и регулировать численность населения в зависимости от спроса на рабочую силу. Для их осуществления необходимо предпринять следующие шаги.

Реформировать законодательство, отменив прежде всего налоги в пользу бедных или, как минимум, сократив их на девять десятых. Сделать это можно постепенно в течение девяти лет⁶⁴. Самым лучшим было бы полное запрещение общественного призрения. Следовало бы оставить лишь частную благотворительность, дабы помочь больным, престарелым и потерявшим трудоспособность: «Свести помощь бедным к добровольным пожертвованиям не только мудро и справедливо, но и более всего согласуется со здравым смыслом и Откровением»⁶⁵.

Отказаться от любого повышения цены труда, ибо «там, где труд самый дешевый, а продукты самые дорогие, бедные наиболее трудолюбивы и покорны»⁶⁶.

Отказаться от системы работных домов. Они практически не приносят дохода, и содержание бедных в них обходится много дороже, чем в их собственных жилищах⁶⁷.

В помощь трудолюбивым бедным организовать мастерские, оборудованные всем необходимым. В них рабочие и их дети могли бы обучаться ремеслу и иметь ежедневный заработок. Там не должно быть ни жилья, ни питания для бедных. Рабочие обязаны постепенно возместить обществу деньги, затраченные на устройство мастерских⁶⁸.

Обязать всех рабочих вступить в общества взаимопомощи, где взнос был бы пропорционален заработку: четвертая часть еже-

недельного заработка холостого человека и одна тридцатая — семейного, имеющего не менее четырех детей. Фонды обществ обеспечат содержание временно больных, полностью потерявших трудоспособность и престарелых⁶⁹.

Обязать всех землепашцев полностью перейти на обработку земли с помощью волов, отказавшись от лошадей. Земля, дающая корм одной лошади, достаточна для пропитания семьи из пяти человек, а также двух волов. Чтобы заставить пахарей приять эту систему, необходимо ввести высокий налог на лошадей и постепенно его увеличивать. Помимо того, разрешить огораживание общинных земель⁷⁰.

Общество не отказывается полностью от помощи бедным, но она распространяется лишь на членов товариществ взаимопомощи⁷¹.

Конкретные положения, выдвинутые Таунсендом, не оригинальны. Он повторяет то, что неоднократно встречалось в большинстве проектов законов о бедных. Менее распространенным был разве пункт о применении волов, но и об этом писали⁷². Куда интереснее и важнее для задач нашего исследования его теоретические рассуждения.

Концепция нищеты, предложенная Таунсендом, чрезвычайно любопытна. По сути своей она традиционна: неизбежность деления общества на бедных и богатых утверждалась веками, равно как и освященность социального неравенства религией. Вместе с тем в ней есть элемент безусловной оригинальности. Никто до Таунсенда не пытался объяснить социальные институты, опираясь на биологические законы внутривидовой борьбы и естественного равновесия. Американский исследователь М. Эшли отмечает, что Таунсенд первым в истории общественной мысли «взял биологическую модель за основу социоэкономического движения общества, а мнимый „закон природы“ за руководство в поведении классов в отношении друг к другу»⁷³. М. Эшли говорит о двойной ценности работы Таунсенда. Она примечательна для выяснения приоритета научной идеи формулировки принципа естественного отбора. Но еще более важно влияние, оказанное ею на дальнейшее развитие социальной, политической и биологической мысли. Прежде всего имеется в виду влияние на теорию Ч. Дарвина — правда, не прямое, а опосредованное, через Р. Мальтуса⁷⁴.

Нас же интересует, насколько концепция Таунсенда была органична для общественного сознания Англии конца XVIII в.

⁶³ Ibid., p. 58—61

⁶⁴ Ibid., p. 63.

⁶⁵ Ibid., p. 68—69.

⁶⁶ Ibid., p. 49.

⁶⁷ Ibid., p. 54.

⁶⁸ Ibid., p. 63, 64.

⁶⁹ Ibid., p. 64.

⁷⁰ Ibid., p. 66.

⁷¹ Ibid., p. 67, 68.

⁷² Hall Ch. Op. cit., p. 186.

⁷³ Ashley M. Forward.— In: Townsend J. Op. cit., p. 13.

⁷⁴ Ibid., p. 12.

Обращение к законам природы ради обоснования правил социального бытия человека характерно для всей философии эпохи Просвещения. В этом смысле Таунсенд как будто движется в общем русле поиска высших критериев. Однако Просвещение находило в законах природы фундамент для утверждения принципа равенства людей. Все социальные институты, включая частную собственность, рассматривались как производное деятельности человека. Учение о естественном праве и взгляд на человека как продукт среды и исторических обстоятельств к концу XVIII в. были общепризнанными. Таунсенд увидел в законах природы нечто, прямо противоположное всему, что отстаивало Просвещение. И этим он выпадает из общего потока. Закон необходимости и бели слабого для сохранения естественного равновесия отрицал отвоёванное Просвещением право людей на рациональную организацию общества в соответствии с их собственным пониманием справедливости и целесообразности. Диктат природы устанавливал непреложность социального неравенства. Концепция Таунсенда противостояла одному из главных положений философии и этики Просвещения, согласно которому рациональность любой социальной системы определяется суммой счастья, какую она может обеспечить всем вместе и каждому отдельно взятому индивиду. Иначе говоря, если в обществе большое число его членов лишено счастья, то общество больно и требует лечения. Источники болезни усматривались в несовершенстве социальных институтов, но отнюдь не в несовершенстве самих страдающих. По логике Таунсенда, обществу вменялось в обязанность держать часть своих граждан в условиях постоянных лишений. Более того, дабы не нарушить законы природы, ему предписывалось преднамеренное уничтожение избыточного числа страдающих.

Несовместимость концепции Таунсенда с идеологией Просвещения очевидна. Более сложной представляется ее связь с некоторыми направлениями общественной мысли Англии конца XVIII в. Мы не находим в публицистике того времени другого столь открытого призыва к регулированию численности населения посредством принудительного голода. Не встречаются и объяснения священности частной собственности законами внутривидовой борьбы. Но хотя позиция Таунсенда и выделяется своей крайней реакционностью, она тем не менее не противоречит некоторым тенденциям английского общественного сознания.

Прежде всего этико-религиозное обоснование Таунсендом правомерности отказа в помощи нуждающимся пауперам не содержит ничего оригинального в сравнении с общепринятой религиозно-нравственной концепцией отношения к бедным. Та же аргументация типична для английского протестантизма с его культом избранности, исходившего из идеи предопределения и считавшего бедность знаком морального несовершенства. Взгляд на нищету как воздаяние бедным за их порочность был общепринятым, не разделявшие его составляли незначительное меньшинство. Даже такие прогрессивные политические мыслители как основополож-

ники философского радикализма Ричард Прайс и Джозеф Пристли выступали за полную отмену налогов в пользу бедных⁷⁵. Они не признавали первопричиной нищеты ничего, кроме лени и развращенности самих пауперов. Р. Прайс, призывая к строгому контролю над моралью бедных, предлагал заменить смертную казнь пауперам, преступившим закон, рабством, ссылаясь на большую практическую пользу для общества раба, чем трупа. И здесь нельзя усмотреть попытку гуманизировать закон, так как сам Прайс доказывал преимущество такой меры соображениями здравого смысла и выгоды⁷⁶. Как и методизм, философский радикализм настаивал на применении принципов религиозного мышления в деловой жизни и объявлял главным критерием добродетели социальную ценность человека. Она же, в свою очередь, определялась вкладом индивида в благосостояние общества посредством увеличения собственного благосостояния. Благотворительность признавалась, но при условии, что она редка и рациональна⁷⁷.

Мы вовсе не склонны утверждать, что уровень нравственного развития бедных не давал объективных оснований для всех обвинений, которое обрушивало на них общество. Нельзя отрицать так же и частичную правомерность критики законов о бедных, когда им инкриминировали поощрение дурных наклонностей пауперов⁷⁸. Однако несомненно и то, что нравственное несовершенство неимущих слоев было следствием, но не причиной условий их существования. Прагматизм и культ здравого смысла, свойственные многим направлениям английского религиозного сознания, помогли совершить подмену причины следствием, когда речь шла о морали бедных и их материальном положении. Именно господствующие этико-религиозные доктрины были почвой для формирования в обществе стремления избавиться от помощи бедным и, стимулируя само стремление, они обеспечивали ему нравственное оправдание. Теория, созданная Таунсендом, полностью согласуясь с этими доктринами, представляет собой их естественное и логическое развитие. То, что ее автор был священником — явление не случайное, а, скорее, закономерное.

⁷⁵ Заметим, что оба приветствовали французскую революцию на всех ее этапах.

⁷⁶ Price R. A Review on the Principle Questions in Morals. L., 1787, p. 76.

⁷⁷ Plumb J. H. England in the Eighteenth Century. L., 1950, p. 132—136.

⁷⁸ Ф. Энгельс писал об этом: «Действие старого закона о бедных в общем и целом обрисовано здесь правильно: вспомоществования поощряют лень и содействуют увеличению „излишнего“ населения. При современных социальных отношениях бедняк несомненно вынужден быть эгоистом, и если ему предоставляется выбор — работать или ничего не делать при одинаковых условиях жизни, то он предпочитает второе. Отсюда, однако, следует только то, что современные социальные отношения никуда не годятся, а вовсе не то, к чему приходят члены комиссии мальтузианды, а именно, что бедность — преступление и что с ней следует бороться путем устрашения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 506).

Идея Таунсенда о необходимости сохранять известный уровень нищеты, дабы всегда имелись достаточные резервы для обслуживания интересов имущих, также принадлежала к числу прочно укоренившихся в общественном сознании. Наиболее откровенная ее формулировка встречается у весьма авторитетного политика и экономиста А. Юнга: «Любому идиоту ясно, что бедные должны оставаться бедными, иначе они перестанут быть трудолюбивыми и обеспечивать выгоду других»⁷⁹. Известный своим либерализмом Ф. М. Иден признавал, что спор о целесообразности помощи бедным ведется с двух позиций. Представители первой утверждают: «Любые общественные реформы не могут отменить правила Священного писания „бедные никогда не исчезнут с лица земли“». Сторонники второй возражают: «Не имеющие капитала, кроме своего труда, могут в случае нужды и отсутствия работы рассчитывать либо на добровольную, либо на принудительную помощь общества»⁸⁰. Сам Иден стоял на второй позиции. Но, когда речь заходила о проблеме пауперизма, его либерализм оказывался ограниченным. Его капитальный труд по выяснению истинного положения трудящихся предлагал современникам богатый доказательством вывод об экономической невыгодности обществу оказывать помощь неимущим. Оправдывая сохранение помощи исключительно религиозным долгом милосердия, он настаивал на безусловной необходимости ее значительного сокращения⁸¹. Работа Ф. М. Идена — уникальное сочинение своего времени. Помимо удивительной насыщенности статистическими материалами, она дает сводку практически всех бытовавших тогда точек зрения на проблему нищеты и законодательство о бедных. Знакомство с обзором проектов, включенных в исследование Ф. М. Идена, показывает, что в отношении предложенных мер по переводу пауперов на самообеспечение Таунсенд стоит в одном ряду с самим Иденом.

Не была новой для английского общественного сознания и идея Таунсенда о том, что рост населения должен ограничиваться спросом на рабочую силу и объемом запасов продовольствия. В той или иной форме она присутствует в сочинениях Гоббса, У. Петти, Р. Уоллеса, А. Смита, Б. Франклина, Д. Юма, Дж. Стюарта, А. Юнга и др. Любопытно, что на предложение Таунсенда заменить лошадей на волов и тем самым позволить стране несколько увеличить свое население за счет новых источников продовольствия Ф. М. Иден отвечает следующим возражением: «Признаюсь, я не вижу никакой выгоды от роста населения, если только не вырастет спрос на него, или, другими словами, если только наш национальный капитал не столько не увеличится, что полностью обеспечит занятостью все возросшее население. Тот факт, что у нас во многих районах Англии боль-

ше рук, чем работы, подтвержден еще Артуром Юнгом, первым политическим писателем, подвергшим критике ошибочную идею о пользе избыточного населения, не обеспеченного занятостью. Впрочем, в первой части работы мистер Таунсенд, кажется, признает, что рост населения не желателен»⁸².

В конце XVIII в. представители разных направлений общественной мысли — буржуазно-либерального (Иден, Экленд, Гилберт), радикального (Прайс, Пристли, Хоулет, Дейвис), консервативного (Бёрк, Бенгам, Юнг) — имели важные точки соприкосновения в отношении проблемы нищеты. Никто не искал путей ее полной ликвидации, и все стремились в первую очередь обеспечить интересы господствующих слоев. Теория Дж. Таунсенда не выделяется на общем фоне ни этико-религиозным, ни экономическим, ни политическим толкованием этой проблемы. Ее отличительная черта лишь в том, что она дала логически доведенное до конца выражение тех тенденций, которые в более скрытой форме обнаруживаются в сочинениях его современников. В решении проблемы нищеты общественная мысль XVIII в. преимущественно развивалась в направлении, которое рано или поздно потребовало бы теоретического обоснования нищеты и методов борьбы с ней, предложенных Таунсендом: «Англия ... сначала пыталась уничтожить пауперизм при помощи *благотворительности и административных мероприятий*. Затем она увидела в стремительном развитии пауперизма не необходимое следствие современной *промышленности*, а, наоборот, следствие *английского налога в пользу бедных*. Всеобщая нужда представлялась ей лишь как *частный* вопрос английского законодательства. То, что раньше объясняли *недостатком благотворительности*, теперь стали объяснять *избытком благотворительности*. Наконец, на нищету стали смотреть как на вину самих нищих, за которую они подлежат каре»⁸³. Работа Таунсенда, которая обеспечивала высшее оправдание «каре» и доказывала ее необходимость, отвечала запросам последнего этапа этой эволюции. Она не только косвенно, но и самым прямым образом подготовила появление труда Мальтуса, поскольку именно она послужила его теоретическим источником⁸⁴. Американский исследователь К. Полоний писал о концепции Таунсенда: «Он был сеятелем, и брошенное им зерно дало всходы в Мальтусе... Ни дарвиновская теория естественного отбора, ни закон народонаселения Мальтуса не оказали бы на современное общество столь ощутимого влияния, если бы до них не было максим Таунсенда, которые он логически вывел из своих коз и собак и

⁸² Ibid., p. 388.

⁸³ Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 437.

⁸⁴ К. Маркс неоднократно говорил об этом. Он обвинял Мальтуса в плагиате и доказывал, что все его теоретические построения заимствованы у Таунсенда. См.: Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 420, 426; ч. III, с. 31, 57.

⁷⁹ Young A. Op. cit., p. 84; Inglis B. Op. cit., p. 120.

⁸⁰ Eden F. M. The State of the Poor..., vol. 1, p. 413.

⁸¹ Ibid., p. 411, 464.

вздумал приложить к реформе о бедных»⁸⁵. Для нас эта концепция интересна еще и тем, что она была завершением развития определенного направления общественной мысли Англии в отношении проблемы нищеты. Она снабжала буржуазное общество теорией, которая «успокаивает его совесть, вменяет ему жестокосердие в моральную обязанность, превращает общественные явления в явления природы и, наконец, дает ему возможность так же спокойно и бездеятельно созерцать вымирание пролетариата от голода, как любое явление природы, и, с другой стороны, рассматривать нищету пролетариата как его собственную вину и наказывать его за это»⁸⁶. Работа Таунсенда важна еще и тем, что она принадлежала к тому реакционному течению общественной мысли Англии, которое в ближайшей исторической перспективе (всего через 12 лет после выхода книги) стало ведущим в конкретном решении проблемы нищеты.

⁸⁵ *Polanyi K.* The great transformation. N. Y., 1944, p. 113; *Townsend J.* Op. cit., p. 11.

⁸⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 598.